Путник прохлопал руками по пальто, стряхивая налипший снег и несколько раз с силой топнул. После снял шляпу и тоже принялся освобождать от снега. И, наконец, скинул со спины узел и завершил чистку.

Пока путник приводил себя в порядок, Луизетт ужом вертелась вокруг. Первый за долгое время посетитель взбудоражил её не на шутку.

Неугомонная девочка засыпала путника вопросами: «А откуда дядя пришёл? А как дядю зовут? Меня вот Луизетт, Лу-и-зетт! А это наша гостиница, её построил мой папа. Он сделал так, что у нас могут одновременно остаться на ночь сто человек! Кстати, на какой срок вы собираетесь заселиться? Эх, вот бы подольше…»

Скорее всего, если бы не появилась бабушка Луизетт, шквал её вопросов никогда бы не иссяк.

«Луизетт, хватит приставать к гостю. Проходите скорее. Вы один?»

Замешкавшись на миг, странник в ответ на вопрос пожилой женщины легонько кивнул.

«Как желаете разместиться? Будете брать отдельную комнату или…»

«Мне, пожалуйста, отдельную комнату с питанием. Остановиться планирую на несколько дней.»

Странник говорил медленно, с весьма необычным акцентом. Голос звучал хрипловато, возможно, из-за долгого времени в пути, но был звучным и сильным.

Услышав, что путник собирается задержаться на несколько дней, Луизетт запищала от восторга — ведь это значило, что ближайшие дни будут полны занимательных историй!

С сияющими глазами она вцепилась в пальто мужчины.

«Я Луизетт, Луизетт! Я провожу! Верхнюю одежду оставьте мне. Я бы и с багажом помогла, но он выглядит слишком тяжёлым, боюсь, не справлюсь.»

Ох уж эта милая Луизетт…

Странник улыбнулся и подал ей пальто.

Верхняя одежда оказалась неожиданно очень тяжёлой. При её встряхивании слышался металлический лязг, точно это кольчуга, а не меховое пальто вовсе. В итоге бедной Луизетт пришлось, пошатываясь и опираясь о перила, тащить его на второй этаж.

Взирая на старания девочки, старушка рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

«Луизетт, тебе тяжело? Если тяжело, то оставь. Я отнесу сама.»

Конечно же, помощь она предлагала в шутку, поскольку знала, как любит Луизетт выполнять эту часть работы.

И действительно, девочка упрямо мотнула головой, не желая, чтоб её лишали развлечения и, кряхтя, продолжила восхождение. Её настойчивость смотрелась так мило, что путешественник тоже улыбнулся.

«Вот вам ключ от комнаты. Она в дальнем конце коридора второго этажа, но зато оттуда

открываются лучшие виды на Павитон. Как подойдёт время обеда, вас, скорее всего, позовёт эта дереза, но можете и сами спуститься и поесть.»

Путешественник понимающе склонил голову, после чего снова надел шляпу и взял в руки узел.

Как и обещала женщина, из окна наблюдалась замечательная панорама. Стоило распахнуть деревянные створки, как глазам открылся величественный облик Павитона.

Склон горы был обрывист и имел глубокие долины. Это не такой уж крупный горный массив, зато славящийся своими пиками. В это время здесь много снега, поэтому вся гора укутана белым ковром и напоминает белоснежный цветок.

Пока странник, словно зачарованный, любовался горным пейзажем, Луизетт поглядывала на него искоса. Видимо, вызвавшись дотащить тяжёлое пальто, она втайне надеялась напроситься на подарок.

Но бесчувственный дядюшка, казалось, вообще не замечал, что девочка по-прежнему стоит за его спиной. Понемногу Луизетт расстраивалась всё сильнее, и щёчки её вновь надулись.

«Куда ушёл твой отец?» – спросил путешественник в тот миг, когда насупившаяся Луизетт повернулась, чтобы выйти из комнаты.

Глаза девочки округлились.

«О, так дядюшка знает папу? А откуда? Вы из тех, кто гостили здесь, пока я ещё была маленькой? Папа отправился на охоту. Возвращаясь, он всякий раз приносит зайцев, косуль и других животных. Он – самый лучший охотник на Павитоне!» – бегло протараторила Луизетт, задав вопрос и тут же сама на него ответив.

Неизвестно, сумел ли странник понять хоть что-нибудь из этого словесного потока, но он ничем не выразил неудовольствия. После того, как девочка умолкла, он принялся шарить на дне своего узла.

«Значит, тебя зовут Луизетт? Спасибо за рассказ. Где же оно… А, вот же!»

Пошарив в узле, странник извлёк ожерелье. Бусы, составленные из каких-то круглых шариков.

Красные переливающиеся бусинки были декорированы неизвестным девочке белым металлом. Все бусины были одинакового размера, а вот обрамление из белого металла принимало различные формы.

«Ваау!» – увидев ожерелье, Луизетт замерла с открытым ртом.

Подобную вещь она видела впервые. Оказывается, на свете бывают и такие, красивые и таинственные, предметы!

И тут её и без того округлившиеся глаза стали ещё крупнее.

«Это – подарок. Но взамен ты должна дяде кое-что пообещать. Ты ни в коем случае не станешь показывать это ожерелье взрослым. Никому.»

«В-вы принесли его с края мира?»

На наивный вопрос Луизетт, странник снова улыбнулся. И кивнул.

«Итак, ни в коем случае не показывай это, принесённое с края мира, ожерелье другим взрослым. На свете бывают и плохие дяди — когда они его увидят, то непременно отберут. Ты поняла?»

«Да! Я спрячу его на самом дне коробочки с сокровищами Луизетт и не покажу никому.»

Луизетт была так счастлива, что притопывала ногами от нетерпения. Она ещё этого не понимала, но отныне ожерелью суждено было стать её сокровищем номер один.

Пока странник гостил в доме, Луизетт пробиралась в его комнату под любым предлогом. Именно она сообщала гостю о часах приёма пищи и даже вещи в стирку забирала тоже сама.

Неужто её сердце так пленило одно-единственное ожерелье? Маленькая Луизетт всюду следовала за путешественником по пятам.

А странник отдыхал и расслаблялся. За исключением редких прогулок в окрестностях постоялого двора, он практически не выходил из комнаты. Заговаривал он тоже нечасто и это было совсем не весело.

Тем не менее, Луизетт считала его очень хорошим дядюшкой. И не только из-за подарка. Она и сама толком не понимала, отчего испытывает подобные чувства.

Девочка и не могла об этом знать, просто путник обладал уникальной манерой вести беседы.

Сам говорил мало, но собеседника выслушивал до конца. Какие бы вздорные речи не лепетала Луизетт, он ничем не выказывал своего неудовольствия и не прерывал её речь.

Иногда даже подбадривал девочку лёгким кивком. Он знал, когда во время беседы нужно вглянуть в глаза собеседника, а когда мягко улыбнуться.

Если подходило время ужина, путешественник садился у камина и макал в куриный суп хлебную корочку. И всякий раз Луизетт садилась подле и, подперев рукой подбородок, неотрывно за ним наблюдала.

Однажды она задала вопрос: «Кстати, дядюшка, а почему ваш лоб скрыт повязкой? Отчего вы её не снимете?»

Она припомнила, что ни разу не видела путешественника без оной.

«Ну… там, где я жил, все так делают. Мы эту ткань обыкновенно вообще не снимаем. Даже когда купаемся или моем голову.»

«Правда? Вау, как удивительно! Бабушка, бабушка! Этот дядя не снимает повязку даже когда моет голову! Представляешь?»

Удивление Луизетт не знало границ.

А на следующий день она сама вышла из комнаты, повязав белую ленту на лоб. И не сняла, даже когда бабушка выразила возмущение её внешним видом.

Если уж девочка что-то решила, её не переупрямить! Потому бабушке пришлось свести всё в шутку.

И пока путешественник предавался безделью, незаметно прошли десять дней.

«Луизе-етт, Луизетт?» – позвал чей-то голос однажды ранним утром.

Девочка только-только открыла глаза и раздумывала, не стоит ли подняться с постели, но заслышав голос вскочила как ошпаренная. Ведь тот принадлежал самому любимому на свете для Луизетт человеку – её папе.

Прямо в чём есть, не тратя времени на переодевания, она выскочила во двор. Весь путь до двери она кричала лишь одно слово.

«Папа? Папа, папа, папа!»

Прыжок!

Луизетт бросилась мужчине на грудь, а тот прижал её к себе и закружился на месте.

«Ого, а наша принцесса стала тяжёленькой! Ха-ха, похоже с момента нашего расставания ты успела подрасти?»

Тут выбежала на порог и бабушка Луизетт.

Отец девочки и впрямь высок. Во всяком случае, выше ста восьмидесяти сантиметров. Он выглядел ловким, поджарым и имел длинные и густые бакенбарды.

Больше всего поражали его живые, цепкие глаза и ястребиный нос. Из-за них он казался похожим на одинокого орла. В общем, смотрелся поистине соответственно своей профессии охотника.

Одежда тоже ей соответствовала – была пошита из звериных шкур. Из-за спины виднелись длинный лук и колчан стрел. На ногах широкие ботинки, не позволявшие тонуть в снегу, а на макушке шляпа из плотной кожи.

«Пап, а кого ты принёс? А? Косулю поймал? Зайцев поймал?»

Тут охотник вынул из-за спины скрытую доселе от глаз вторую руку. В ладони он держал за уши нескольких зайцев.

«Э-эй, столько отсутствовал, а добыл лишь это? У-у, я думала, ты хотя бы косулю принесёшь. Эх, папа!»

«Ха-ха, ну, вот так вот получилось на этот раз. Едва звери прознали, что идёт папа, как сразу попрятались в своих лесных домиках, ха-ха!»

Отца Луизетт звали Тибо. Он слыл самым успешным охотником в окрестностях Павитона. В местных поселениях его имя знали все. Даже сам феодал этих земель – граф Монтень – всякий раз, когда собирался на охоту, приглашал Тибо.

Да, имя его было известно, однако никто не мог похвастать тем, что знает его хорошо.

Мужчина не являлся коренным жителем Павитона. Кажется, он объявился здесь лет двадцать назад? Примерно в то время Тибо и его мать пришли на гору. Они осели здесь, построили дом и начали промышлять охотой.

Прошло всего несколько лет с тех пор, как Тибо женился на самой прекрасной девушке в округе. Именно с того момента местные и стали воспринимать мужчину за своего.

Но счастье оказалось скоротечным. Жене Тибо не суждено было дожить до старости.

Деревенские судачили, что та изначально отличалась слабым здоровьем. И всё же жена не оставила Тибо одного. Она успела родить прекрасную дочь, так похожую на себя. С тех пор, как её не стало, минуло уже лет пять.

«Э-эй, ты же лучший охотник на Павитоне! О, кстати, па, у нас в гостинице гость. А Луизетт очень-очень хорошо к нему относится», – похвасталась девочка.

Тибо ещё не знал, к кому она так хорошо относится, но добродушно пригладил волосы малышке.

«Вот как? Молодец! Наша Луизетт уже совсем большая! Ха-ха!»

Пока они болтали и смеялись, на пороге показался гость, о котором говорила девочка. Похоже, шум за окном заставил и его подняться пораньше.

Тибо опустил дочь на землю, готовясь пожать тому руку… и вдруг замер. От сильного удивления глаза его расширились. Скулы свела судорога, поэтому он не мог издать ни звука.

После некоторой паузы губы всё же дрогнули, и голосом, похожим на стон, мужчина выдавил из себя лишь одно слово.

«Ш-и-р-о-н?..»

Всего пять букв, но с каждой последующей лицо Тибо искажалось всё сильнее, будто те давались ему с огромным трудом.

«Пап, ты знаком с нашим гостем?» – округлила очи Луизетт, не понимая причины его состояния.

Она обернулась и увидела, что на лице бабушки отразилось не меньшее потрясение.

Женщина явно не была прежде знакома с постояльцем, но когда Тибо назвал того по имени, в глазах её отразился испуг. Судя по всему, имя это ей уже где-то доводилось слышать.

«Бабушка, в чём дело? Я тоже хочу знать. Объясни мне!»

Луизетт ухватилась за подол бабушкиной юбки, но как ни теребила его, ответа не добилась. Эх, сколько же у взрослых от неё секретов!

Широн — мужчина с синей повязкой на лбу — слабо улыбнулся и медленно помахал рукой.

«Давно не виделись, Тибо. Сколько там минуло с момента нашей встречи, года четыре?»

Лицо охотника скривилось ещё сильней. Рука дрогнула и потянулась за спину, словно собираясь выхватить стрелу. Но мужчина подавил в себе этот порыв.

Чуть погодя, Тибо и Широн расселись друг напротив друга. Уединились они в той самой комнате, где квартировался гость.

Тибо вошёл с бутылкой вина. Это был напиток из фруктов, произраставших в окрестностях Павитона. Среди того, к чему мужчина относился в этой жизни с наибольшим трепетом, фруктовое вино находилось на почётном третьем месте (на первых двух были семья и

инструмент промысла – длинный лук). Во второй руке он держал блюдо с изловленным нынче, запечённым зайцем.

Лицо переступившего порог комнаты Широна мужчины напоминало жуткую гримасу. Не то, чтобы оно выражало злость, скорее, в нём отражалась некая сложная гамма чувств, которые трудно выразить словами.

Луизетт попыталась было протиснуться следом, но безуспешно. Тибо бесчувственно закрыл дверь перед её носом и заперся на ключ.

«Уа-ааа…»

Луизетт разревелась, упрямо оставаясь перед плотно запертой дверью, но та и не подумала отвориться. Мужчинам требовалось столько всего обсудить, что Тибо, даже спустя четверть дня, так и не выглянул наружу.

Порой в комнате говорили на повышенных тонах. Крики Тибо доносились из-за двери, но вот что отвечал ему странник по-имени Широн, разобрать не удавалось.

Ещё реже слышался вымученный смех. Это смеялся сам хозяин дома. Видимо, мужчина по-имени Широн слишком хорошо контролировал свои эмоции.

Когда же Тибо и Широн вышли из комнаты, наступило время ужина. О чём бы ни шла их беседа, продолжалась она весь день.

Пока ужинали, Тибо не произнёс ни слова. Даже не похвалил умения бабушки Луизетт, которая превзошла сама себя, потрясающе вкусно приготовив зайца.

И даже когда сама девочка, проявляя невоспитанность, принялась задавать вопросы, рот Тибо по-прежнему открывался лишь для приёма пищи.

Сидевший напротив хозяина дома странник по-имени Широн тоже словно воды в рот набрал. Но, по сравнению с лицом Тибо, его физиономия казалась куда более спокойной.

Луизетт ещё слишком мала, но её бабушка отлично всё понимала. Дело в том, что ситуацию контролировал вовсе не хозяин дома, а его гость…

Тибо действительно выглядел чем-то подавленным. Необъяснимая сила, исходившая от Широна, сковывала его волю и движения.

У него не было возможности сопротивляться. Он должен был слушаться этого жуткого мужчину по-имени Широн. Это его судьба, которая была предопределена много лет назад…

http://tl.rulate.ru/book/104928/3680435